

Александр Журбин: «Миром правят любовь и надежда»

Наш сегодняшний собеседник — лауреат премии Ленинского комсомола Александр Журбин — частый гость Одессы. Недавно в зале театра музыкальной комедии прошли его творческие вечера, позволившие нам вспомнить полюбившиеся ранее песни и мелодии композитора, познакомиться с его новыми произведениями.

— Александр Борисович, что зовет вас в Одессу — профессиональный интерес, дела или...

— Или. — живо откликается Журбин, — именно «или», как говорят в Одессе. Родители познакомились и поженились здесь. Это моя прародина. Кроме того, в Одесском театре музыкальной комедии идут мои мюзиклы «Агент 00» и «Мымра». На Одесской киностудии недавно завершились съемки первого советского художественного видеофильма «Избранник судьбы», музыку к которому я писал с удовольствием. Да и моя последняя работа — рок-опера «Закат» по пьесе

И. Бабеля посвящена Одессе. Жаль, что среди первых слушателей не было одесситов, но я надеюсь, что «Закат» будет поставлен в одном из театров города. Об этом сейчас ведутся переговоры.

— Газета «Советская культура» недавно сообщила, что ряд известных советских композиторов — в том числе и Журбин — создали творческую лабораторию «Третье течение». Что же вас объединяет?

— Прежде всего создание такой лаборатории — одна из реалий перестройки творческих союзов. Мы стре-

мимся найти путь к своему слушателю, которого условно называем представителем широких кругов интеллигенции. Мои товарищи по лаборатории — Владимир Дашкевич, Геннадий Гладков, Алексей Рыбников. Впрочем, на мой взгляд, те же тенденции творчества характерны и для многих советских композиторов — Андрея Эшпая, Андрея Петрова и других.

— Один из путей доверительного общения со слушателем — и ваши романсы. Сегодня мы услышали их в интерпретации удивительной певицы Марии Иткиной — актрисы Московского театра имени Станиславского, за знакомство с которой вам особенно благодарна одесская публика. Ваш цикл на стихи Дениса Давыдова придал, по общему мнению, особую прелесть фильму «Эскадрон гусар летучих».

Жаль, что нынче романсы почти не поют.

— Это одна из печальных утрат нашей культуры. Как и потеря навыков домашнего музицирования, чтения стихов, постановки пьес. И сегодня многие из нас иронически усмеваются, услышав о музыкальных или литературных салонах. А ведь это были подлинные очаги культуры, в которых блистали Пушкин и Блок, Чайковский и Рахманинов, Ахматова и Скрябин. Да что говорить о высоких профессионалах — тысячи любителей приобщались здесь к искусству. Мы привыкли к застольям, танцам под магнитофон, забывая о гитаре, о пианино. Исчезло из повседневности дилетантское (а это отнюдь не бранное слово), любительское пение, не слышно романсов. А жаль.

— Вы — создатель первой советской рок-оперы «Орфей

и Эвридика». Это было в 1975 году, но и по сей день термин «рок-опера», судя по письмам наших читателей, нуждается в разъяснении. А кто же сделает это лучше вас?

— Ответить на такой вопрос в газетном интервью не так уж и просто. Музыковеды спорят об этом и сегодня. Действительно, при помощи объединительной черточки сведены, казалось бы, два несопоставимых слова — рок и опера. И в результате родилось нечто новое. Рок-опера возникла в тот самый момент, когда для этого созрели условия. Это типичный представитель синтетического искусства, родившегося в наше время, когда электроника и другая техника прочно вошли в композиторскую и исполнительскую практику. Скажу о себе: я словно создан для работы именно в этом жанре, так

как он позволяет говорить в одном произведении на разных языках — классики, рока, авангарда, джаза, романса и т. д. Настоящая рок-опера — удивительный, неповторимый сплав различных музыкальных пластов.

— «Орфей и Эвридика» при всех музыкальных новациях повествует об истории старой, как мир, — о любви. И об этом же ваша последняя работа в жанре рок-оперы — «Монарх, блудница и монах».

— И тоже о любви трагической. Но возвышенной и прекрасной. В основе сюжета — новелла Томаса Манна «Фьренца». Ее герои — выдающаяся фигура итальянского Возрождения Лоренцо Медичи и монах Савонарола, вошедший в историю как символ фанатизма, — влюблены в красавицу Фьренцу. Мы с поэтом Павлом Грушко стремились показать

трагизм и красоту чувств этих столь непохожих друг на друга людей, столкновение их философских и этических идеалов.

— Новелла Томаса Манна и сегодня удивительно современна. И в наши дни любовью проверяют мировоззрение и нравственность. К сожалению, для многих это чувство утратило свой романтический флер, стало, как говорится, проще...

— Во все времена были люди духовные, настоящие гуманисты, подобные Лоренцо Медичи, которые являли собою высокий этический и нравственный идеал. Есть они и сегодня. О трагической любви и опера «Закат».

— И все же, судя по ариям и песенкам из «Заката», которые мы сегодня услышали, и в этой музыке много солнца, жизни, юмора. Александр Борисович, вам вообще присуще чувство оптимизма?

— Я писал музыку к трагедиям и драмам, но надеюсь, что и в ней вы ощутите светлую надежду, в которую я верю.

— Даже в таком апокалиптическом фильме, как «Письма мертвого человека»?

— Я горжусь своим участием в создании этой ленты, нашедшей, как вы знаете, путь к сердцам людей в разных странах. Старый ученый, который выводит детей из убежища на Землю и ведет их на свет Звезды — разве не внушает такой фильм надежду? Должен заметить, что мы с режиссером Лопушанским работали над «Письмами...» в годы, когда о Договоре об уничтожении ядерных ракет можно было только мечтать.

Беседу вел
Ф. КОХРИХТ.